

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/2

РУСИНСКИЙ МИР В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИВАНА ФРАНКО

Н.Ф. Алефиренко¹, И.И. Чумак-Жунь²

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

²E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Авторское резюме

В центре внимания находятся феномен русинского поэтического дискурса, его генетическая связь с поэтическим текстом. Поэтический дискурс не отождествляется с анализируемым текстом, созданным самобытной языковой личностью поэта, поскольку он находится в тексте как его некий порождающий мыслекод, преобразующий язык метафорической мысли в живое этнически окрашенное поэтическое слово. Представленное исследование поэтического дискурса выдающегося украинского поэта XIX в. Ивана Яковлевича Франко направлено на палитру русинской этнокультуры. Этому способствует выделение в индивидуально-авторской картине мира автора трех уровней: 1) глубинного (мировоззренческого) слоя, отражающего фрагмент общекультурной (общечеловеческой) картины мира; 2) слоя национальной украинской интерпретации этнической (русинской) составляющей индивидуально-авторской картины мира художника слова; 3) поверхностного этнического слоя, связанного с русинским мировидением поэта. Неповторимая магия языковой личности И. Франко объясняется воплощением в ней этоса (нрава, характера, душевного склада народа), логоса (универсальной осмысленности, ритма и соразмерности русинского бытия, напоминающей первостихию «огня поэтического мышления») и пафоса (страстной увлеченности идеей поэтизации русинского мировосприятия) в рамках художественно-речевой реализации доминантной дискурсивной стратегии столь неординарной языковой личности поэта.

Ключевые слова: поэтический дискурс, русины, языковая личность, лексикон, тезаурус, прагматикон, этнокультура.

RUSINIAN UNIVERSE IN IVAN FRANKO'S POETIC DISCOURSE

N.F. Alefirenko¹, I.I. Chumak-Zhun²

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

¹ E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

² E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Abstract

The research focuses on the phenomenon of Rusinian poetic discourse and its genetic connection with the poetic text. The poetic discourse cannot be identified with the text under analysis created by the poet's unique linguistic personality, as it is integrated into the text as a generating mental code to transform the language of metaphorical thought into the living ethnically coloured poetic word. This research of the poetic discourse of Ivan Yakovlevych Franko, an outstanding Ukrainian nineteenth-century poet, demonstrates the palette of the Rusinian ethnic culture. The author identifies three levels in the poet's individual picture of the world: 1) deep (worldview) level representing a part of the global (universal) cultural picture of the world; 2) the level of national Ukrainian interpretation of the ethnical (Rusinian) component in Franko's picture of the world, which is considered to be a part of a different culture; 3) a surface ethnic level connected with the poet's Rusinian worldview. The unique magic of I. Franko's linguistic personality formed by Ethos (temper, nature, mentality of the nation), Logos (universal meaning, rhythm and harmony of Rusinian life reminiscent of the "fire of poetic thinking") and Pathos (passionate enthusiasm for the poetic idealization of the Rusinian worldview) manifests itself in artistic and speech forms of his dominant discursive strategy.

Keywords: poetic discourse, rusins, linguistic personality, lexicon, thesaurus, pragmatic communication strategies, ethnic culture.

Поэтическое слово Ивана Франко – гениального *мастера репрезентации* вселенского смысла сквозь призму восприятия русинского мира, талантливо преломленного в его авторском языковом сознании, стало выразителем общественно-политических идеалов русинской демократической интеллигенции, а его поэзия – это своеобразное видение поэтом жизни глазами русина. Его двуликий поэтический дискурс, порождавший самобытные образцы словесно-художественного искусства, одновременно является моделью двух объектов: ре-

альной действительности, отражающей жизнь прикарпатских русинов XIX в., и авторской субъективно-личностной картины русинского мира (Лотман 1964: 29). Причем личностная составляющая поэтической модели напрямую зависит от синергии этнокультурного и *личностного* метафорического мышления автора, оригинальности концептосферы его картины мира, создаваемой самобытными языковыми средствами. Самобытность поэтического дискурса И. Франко формировалась дихотомией двух речевых стихий: общенациональной (украинской) и этноязыковой (русинской).

В его поэтических текстах наряду с украинскими вполне органично соседствуют русинские формы, что придает его поэзии неповторимое этнокультурное своеобразие. По мнению исследователей творчества И. Франко, одни только его публикации могут служить подтверждением существования отдельной русинско-украинской литературы: «Поэт был главной фигурой русинско-украинского культурного производства в обеих империях: до 1886 г. он уже входил в двадцатку наиболее продуктивных авторов, а после 1895 г. ему просто не было равных по продуктивности» (Грыцак 2009: 40).

Интерес к языковой личности И. Франко обусловлен тем, что проникновение в творчество этого выдающегося классика украинской лингвокультуры дает уникальную возможность наблюдать в поэтическом идиолекте отражение не одной, а двух этнических картин мира (общенациональной и этнической – украинской и русинской). Ценность его поэтического дискурса, несомненно, не ограничивается рамками национальной украинской поэзии, да и национальной культуры в целом. В мелодике его поэтического языка ярко звучит русинский акцент, вошедший в его дискурсивное сознание от рождения. Русинское происхождение И. Франко зафиксировано в его паспорте, да и сам поэт упоминал о нем неоднократно. И все же уникальность поэтического мышления Франко – не в русинской речевой обособленности и не в украинском языковом шовинизме. Она – в конвергентной соборности его речи. В украинском культурном сознании поэтический дискурс И. Франко обрел совершенно особый статус, отличающий его от неувядающего словесного искусства других мастеров украинского слова, например Тараса Шевченко или Леси Украинки. И это в немалой степени связано с этническими особенностями его поэтического дискурса, питавшего истоки его образной речи, восходящей своими корнями к общеукраинской и этнической (русинской) лингвокультуре. Первая обеспечила его поэтическому слову общенациональное признание. Вторая стала своеобразным полилингвальным донором в формировании и совершенствовании украинского литературного языка.

Наличие в лексике русинского языка большого количества общекарпатских полонизмов и словакизмов, мадьяризмов и германизмов, «отличающих лексику русинского языка от лексики остальных восточнославянских языков» (Мусорин 2007: 336), обогатило словарный состав формировавшегося украинского литературного языка, который должен был стать общим для всей Украины. И.Я. Франко стремился, чтобы его поэтическая речь была не только одинаково понятной различным этносам, но и принятой в качестве родной полтавчанином и гуцулом, полещуком и буковинцем, слобожанином и носителем закарпатских говоров (Погребной 2017). При этом он сознательно отстаивал автономность русинского языка, несмотря на то что сам хорошо владел и другими европейскими языками, в частности немецким и польским. Ведь *государственным языком* в Галиции был *немецкий*, а затем польский. Не случайно он осуществил переводы многих украинских народных песен на *немецкий язык*. Тем не менее в стихотворении «Пісня руського бурсака», посвященном о. Костецкому, автор позиционирует лирического героя как убежденного («сознательного») русина, который с насмешкой относится к стремлению подражать всему немецкому:

<i>Я, щасний, руську матір маю,</i>	<i>Над все мені мила руська мова.</i>
<i>І русином mein Vater ist,</i>	<i>Но, щоб кар'єри ся добить,</i>
<i>Я тим над все ся величаю,</i>	<i>Волю по-руськи ані слова,</i>
<i>Що-м є німецький гімназист!</i>	<i>Лиш по-німецьки говорить.</i>
<i>До руської пісні мої груди,</i>	<i>Я русин, але по-німецьки</i>
<i>Супротив всіх ворожих стріл, –</i>	<i>Наломую і ум, і рот, –</i>
<i>Doch dann nur werden з мене люди,</i>	<i>Бо так нам каже ксьондз Костецький,</i>
<i>Коли з німецьких вийду шкіл.</i>	<i>Преславний руський патріот!</i>

(Франко 1986)

Здесь и далее тексты произведений И. Франко цитируются по изданию (Франко 1986).

Так как в индивидуально-авторской поэтической картине мира (метафоре, концепте) И. Франко доминирует этнический компонент, можно говорить о народном поэте русинского этноса (как в России о С. Есенине или в Польше об А. Мицкевиче). Как истинно народный поэт он черпал свое вдохновение из *этноязыковой картины мира* и народной речевой стихии, сумев в поэтической форме передать его изящную простоту. Для читателя, соотечественника (русина / украинца) словесное искусство «народного поэта» – это поэтически представленный в ценностно-смысловых координатах родного языка русинский мир, для читателя-иностранца – знакомство с иной картиной мира, поэтически оформленной посредством вторичной

моделирующей системы – перевода. Важно понять, почему для большинства русскоязычных читателей русинское происхождение И. Франко – тайна за семью печатями, несмотря на то, что своеобразие его поэзии объясняется русинским мировосприятием поэта. Для русскоязычного читателя поэзия И. Франко и Т. Шевченко различается скорее не стилистически, а мировоззренчески (идеологически), в соответствии с внутренней формой их национальных прозвищ (*Кобзар* и *Каменяр*). Художественный мир И. Франко, так же как и Т. Шевченко, для русского читателя – своеобразное воплощение духа украинского народа. Конвенциональные признаки их поэзии отмечает Павло Тычина, когда пишет, что на место прометеизма Шевченко с крестьянскими повстанческими косами и ножами пришел прометеизм Франко с рабочим молотом. Идиостилевое различие поэтического мышления Кобзаря и Каменяра остается за рамками восприятия русского читателя, так как знакомство с творчеством поэта происходит преимущественно посредством вторичной моделирующей системы – перевода. Известно, что поэтические переводы в целом не могут дать полного представления о национальном своеобразии картины мира поэта, а в нашем случае задача переводчика осложняется тем, что в переводах поэтических текстов И. Франко необходимо (хотя практически невозможно) отразить «вторичную, этническую составляющую» – р у с и н с к у ю.

Принято считать, что основная сложность перевода связана с передачей стилистических особенностей текста-источника. Сложность же передачи особенностей концептосферы поэтического текста И. Франко средствами другого языка обусловлена иным: ценностно-смысловой многослойностью представленной в нем индивидуально-авторской картины мира. В ней содержатся: 1) глубинный (мировоззренческий) слой, отражающий фрагмент общекультурной (общечеловеческой) картины мира; 2) слой национальной украинской культуры; 3) поверхностный этнический слой, который связан с русинским мировидением поэта.

Эти три слоя индивидуально-авторской картины мира И.Я. Франко своеобразно коррелируют с концепцией трехуровневого устройства языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым:

1) Когнитивный уровень языковой личности И. Франко соответствует мировоззренческой составляющей индивидуально-авторской картины, отражающей иерархию общечеловеческих ценностей поэта:

***Борітеся! Терпіть! По всій землі
Рівняйте стежку правді! Де застали
Лиш гложья, терня, там по вас нехай
Зазеленіє жито, наче гай!***

2) Коммуникативно-прагматический уровень языковой личности поэта в наибольшей степени соотносится с ментальной частью индивидуально-авторской картины мира, отражающей национально-культурное видение действительности:

Голос духа чути скрізь:

По курних хатах мужицьких,

По верстатах ремісницьких,

По місцях недолі й сліз.

І де тільки він роздасться,

Щезнуть сльози, сум, нещастя,

Сила родиться й завзяття.

3) Своеобразие вербально-семантического уровня определяет русинская составляющая его лексикона, которая, в сущности, и оформляет национально-своеобразную форму художественного мышления в литературный идиостиль:

Дивувалась зима:

Чом се тають сніги,

Чом леди присли всі

На широкій ріці?

Дивувалась зима:

Чом так слабне вона,

Де той легіт бересь,

Що теплом пронима?

Дивувалась зима:

Як се скріпла земля

Наливаєсь теплом,

Оживає щодня?

Разумеется, выделенные слои не существуют в поэтических текстах И.Я. Франко изолированно: осуществляется определенная фильтрация, при которой мировоззренческие основания пропускаются через ценностно-смысловой слой украинской и русинской лингвокультуры.

Определяющей при характеристике поэта в литературно-художественной критике является революционная, «оппозиционная» составляющая его творчества. Для украинского и русского читателя Иван Франко в первую очередь *каменяр* (какой-либо перевод этого прецедента на русский язык, кажется, невозможен). Это и поэт-гражданин, и поэт-трибун, девизом которого служат следующие строки:

– Ми ломимо скалу, рівняем правді путі,

І щастя всіх прийде по наших аж кістках

(мы разобьем скалу, чтоб правде путь открыть).

Во франковедении в качестве доминирующей идеи поэзии И. Франко называются «борьба за изменение среды», «формирование равноправного общества индивидов»: «Франко пишет о необходимости “переустройства” общественной жизни, духовного преображения личности, <...> осуждает пассивность жизненных воззрений человека, зовет к действенному вмешательству в жизнь, **к борьбе за ее изменение**» (выделено нами. – Н.А., И.Ч.-Ж.) (Калениченко 1994: 131).

Дихотомия *жизнь / борьба* указывает на идейную сущность творчества И. Франко – уподобление жизни вечной борьбе является основным метафорическим кодом его поэзии, определяющим отношения сферы предметного бытия и пространства субъективных переживаний. Все творчество И. Франко построено на основе базовой общечеловеческой метафоры *жизнь – борьба*, которая, как и любая другая фундаментальная операция лингвокреативного мышления, обеспечивает как создание образов, так и их употребление и понимание в конкретных поэтических текстах. Эта метафора представляет собой образную проекцию бытия человека в мире, в которой область-источник концептуализации (*борьба*) включает элементы (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – движение, цель, препятствие, (агрессия?), сопротивление, победа / гибель), позволяющие спроецировать его в реципиентную зону *жизнь* (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – движение, цель, преодоление, победа / гибель). Это одна из глобальных общечеловеческих метафор, проникновение которой в семиотическую, образно-символическую сферу культуры неизбежно приводит к тому, что она интерпретируется художественным сознанием и превращается в образное средство словесного искусства. В творчестве И. Франко этот образ – *борьба* – представлен как область-источник при поэтической реализации множества новых метафорических образов (*поэзия – борьба, любовь – борьба, счастье – борьба*).

Классической иллюстрацией этого положения является программное стихотворение И. Франко «Товаришам із тюрми», в котором:

1) жизнь представлена как **движение** через волны несчастья и неволи в святую страну, где царствуют любовь и согласие;

2) **цель** определена как человеческое счастье, воля, свободный разум;

3) на пути героям предстоит вступить в **жестокый бой** с врагом, который не предполагает пощады ни для кого.

*Обриваються звільна всі пута,
Що в'язали нас з давнім життєм;
З давніх брудів і думка розкута –
Ожиємо, брати, ожием!
Ожиємо новим ми, повнішим
І любов'ю огрітим життєм;
Через хвили мутні та бурливі
До щасливих країв попливем.
Через хвили нещаст'я і неволі,
Мимо бур, пересудів, обмов,
Попливем до країни святої,
Де братерство, і згода, й любов.*

*Ми ступаєм до бою нового
Не за царство тиранів, царів,
Не за церков, попів, ані бога,
Ні за панство неситих панів.
Наша ціль – людське щастя і воля,
Розум владний без віри основ,
І братерство велике, всесвітнє,
Вільна праця і вільна любов!
Треба твердо нам в бою стояти,
Не лякаться, що впав перший ряд,
Хоч по трупах наперед ступати,
Ні на крок не вертатися взад.
Се ж остання війна! Се до бою
Чоловіцтво зі звірством стає,
Се поборює воля неволю,
«Царство боже» на землю зійде.
Не моліться вже більше до бога:
«Най явиться нам царство твоє!»
Бо молитва – слаба там підмога,
Де лиш розум і труд у пригоді стає.
Не від бога те царство нам спаде,
Не святі його з неба знесуть,
Але власний наш розум посяде,
Сильна воля і спільний наш труд.*

(«Товаришам із тюрми»)

Образное моделирование когнитивной метафоры отражает человеческую способность создавать образ мира, вбирающий в себя информацию из физического мира или ранее созданной модели идеального мира. Образ *жизнь – борьба* представлен в поэзии И. Франко большим количеством метафорических вариантов, которые достаточно прозрачны и без труда поддаются истолкованию. Именно поэтому эта фундаментальная общечеловеческая метафора лежит в основе перевода любого произведения Ивана Франко на русский язык. Суть подобного рода уподоблений такова: если цель поэзии – постичь суть бытия и смысл жизни человека, то эта цель достижима только в борьбе. Так как каждый из текстов представляет собой развернутую метафору, то несложно соотнести прямые метафорические уподобления, которые характерны для каждого из текстов и перевода.

Приведем в подтверждение несколько фрагментов поэтических переводов текстов И. Франко Анной Ахматовой, в которых переводчик

стремился сохранить метафорику И. Франко:

– призыв к борьбе ради будущего (область-источник – *грозная и мутная волна обновит землю и сделает ее плодородной*):

*Будь, мов та хвиля! Хоч грізна й мутна,
Та де вал верг ї – там по ній осівся
Осад новий, живий – земля плідна.*

(«В снах юності так сквапно ми шукаєм...»)

***Пучина жизни! Ты темным-темна,
Но где пробилась мы, где устояли –
Земля живою силою полна.***

(перевод А. Ахматовой)

– призыв к борьбе для разрушения старого мира (область-источник – *последний бой разрушит старое здание*):

*Знов час прийде, до найтяжчого бою,
Остатнього, за правду й волю милу
Ти поведеш народи і прогнилу
Стару будову розвалиш собою.*

(«Пісня будущини»)

*Настанет час решающего боя,
Когда в борьбе за волю дорогую
Ты поведешь народы и, ликуя,
Разрушишь ветхий храм живой грозюю.*

(перевод А. Ахматовой)

Примечательно, что эта метафорическая модель характерна не только для гражданской лирики поэта. *Жизнь – борьба* – обязательное условие достижения человеческого счастья, в том числе и в любви:

*І в серці своїм знов я чую силу
Розсіяти туман той, теплотою
Чуття і жаром думки поєднати
Теб з життям – і в відповідь тобі
Я кличу: «Надійсь і кріпись в борбі!»*

(«Не надійся нічого»)

Однако своеобразие художественного текста И. Франко как объекта исследования заключается в том, что он, имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности русинов, пропущенные через языковую личность писателя. К его поэзии в полной мере относятся слова К.Ф. Седова о том, что «ход превращения мысли в слово предстает перед нами как драматический конфликт между личностными смыслами и значени-

ями, которые навязывает говорящему национальный язык» (Седов 1999: 8). В поэтическом тексте метафора помещается в определенную идиостилевую среду, в которой она, с одной стороны, подчиняется общим законам языка и идиолекта, с другой стороны, расширяя, обогащает их. «Метафорическое смыслообразование базируется на системе “тонких смыслов”, культурных ассоциаций, архетипических образов» (Резанова 2003: 35) и формирует личностную систему отражения мира, которая тем не менее находится в соответствии с этнокультурными традициями и имманентной способностью языка называть мир тем или иным способом. Концептуальное пространство текста отражает национальную и авторскую картины мира.

Сам И. Франко отмечал несомненную и безусловную роль этнокультурного компонента в словесно-художественном творчестве: «Каждый выдающийся современный писатель – будь он славянин, немец, француз, скандинав – подобен дереву, которое своими корнями вырастает как можно глубже и крепче в родную, национальную почву, стараясь вобрать и переварить как можно больше ее живительных соков, а стволом и кроной распускается в интернациональной атмосфере идейных интересов, научных, общественных, эстетических и нравственных стремлений» (Калениченко 1994: 124).

Этнокультурная составляющая порождается прежде всего когнитивной метафорой.

Как отмечалось выше, метафора является одним из самых употребительных средств стилистической архитектоники И. Франко, которые не только усиливают силу выражения русинского компонента его поэтической речи, но и способствуют проявлению этнической ментальности русинов. «Ретроспективное исследование механизмов образования метафоры непосредственно связано с изучением различных психологических процессов, в частности с анализом ментальных репрезентаций» (Алефиренко 2009: 169). Метафорическая картина русинского мира И.Я. Франко этнокультурно маркирована: в основе большинства метафорических образов лежат элементы народных таксономий (сложившиеся в русинской этнической общности классификации предметов и явлений окружающего мира).

Как уже упоминалось, метафора позволяет осмыслить познаваемое через уже познанное. Основное образное средство в текстах И. Франко – это развернутая метафора, предполагающая формирование *нового знания* о познаваемой реалии. Разумеется, *новое знание* в смысловой структуре поэтического текста не тождественно понятию *новая информация*, поскольку особенность поэтического дискурса заключается в том, что тексты практически никогда не содержат действительно «новой» информации, просвещающей и обогащающей

щей читателя специальными знаниями. Вновь и вновь обращаясь к «вечным темам» (а значит, к соответствующим поэтическим концептам), поэт стремится познать мир и себя и выразить в поэтической форме свое отношение к миру. Творческое поэтическое воображение, в отличие от репродуктивного, не столько воспроизводит, сколько (вос)создает образ посредством трансформаций образов опыта, т.е. «сравнивает два мысленных комплекса, вновь познаваемого (X) и прежде познанного (A) посредством представления (a), как *tertium comparationis*» (Потебня 1976: 301). Иными словами, творческое воображение «представляет нечто не так, как оно есть эмпирически» (Мамардашвили 2000: 315). Поэтическое воображение И. Франко не только обеспечивает «возможность скачка, без которого не представить далекого и не оторваться от того, что рядом», но и заставляет ум «оторваться от мира, перенестись с помощью вымысла туда, где ему уже не важно, соотносится он с происходящим или нет» (Старобинский 2002: 70).

Таким образом, продуктивное поэтическое воображение по своему назначению может быть как «опережающим», так и «игрой, выдумкой, чистой очарованностью» (Старобинский 2002: 69, 70). В метафорической картине мире И. Франко мысленные комплексы преимущественно соотносятся так: образ, культурно освоенный (*сонеты*, например), и образ, представляющий этническую картину мира (русинскую). Соответственно, читатель должен познать скорее не новый образ, а специфические представления, связанные с русинской картиной мира. Чаще всего перевод не предоставляет читателю такой возможности. Это явно прослеживается при сопоставлении поэтических текстов И. Франко с переводами А. Ахматовой.

Ахматовские переводы текстов И. Франко дают очень яркое представление о проблемах сохранения в целостности того фрагмента русинской картины мира, который отражен в тексте оригинала. Иногда создается впечатление, что перевод поэтического текста на родственный язык – совсем несложная задача. Увы, это иллюзия. Так, А. Гозенпуд, воспроизводя опыт деятельности А. Ахматовой, заключившей в 1959 г. договор с издательством «Советский писатель» на перевод стихов И. Франко для сборника его стихотворений, издававшихся в Большой серии «Библиотеки поэта», писал: «Переводить с родственного языка куда сложнее, чем с французского или английского, – хочется сохранить максимальную верность, даже сбережь рифмы, но оказывается, что эта близость иллюзорна. Слова, звучащие по-украински и по-русски почти одинаково, на самом деле относятся к разному стилистическому ряду. Я не говорю уже о том, что они на самом деле нередко отличны по смыслу. Так, признание

героя: “я – нелюд” – сначала перевела: “я нелюдим”, хотя мы уже об этом говорили. Потом вспомнила, что “нелюд” значит бесчеловечный зверь, и написала – “преступник я»» (Гозенпуд 1990: 313).

Особенный интерес представляет обращение к ахматовским переводам «Вільних сонетів», которые, на первый взгляд, вследствие своей «заведомой книжности» не предполагают особой «народности». Сонеты – традиционно книжный жанр, предполагающий классическую интерпретацию. Известно, что к сонетной форме обращались Петрарка, Данте, Шекспир, для сонетов характерна изысканная поэтическая форма, и в XX в. это популярный жанр философской и любовной лирики. В текстах сонетов И. Франко доминирующая метафора *жизнь – борьба* сохраняется (в этом цикле форма поэзии – *сонеты* – представлена как орудие борьбы), что отражено в ахматовских переводах:

*Лиш праця ржу зотре, що груди з'їдає,
Чуття живе, неткнуте заховає,
Непросихаючу нору жити.*

(«Як те залізо з силою дивною...»)

*Лишь труд сгоняет ржавчину, что гложет
Нам сердце, и лишь труд единый может
Зияющую рану заживить.*

(перевод А. Ахматовой)

А. Ахматова в переводах сонетов остается в рамках книжности, заданной жанром. Она создает самостоятельные лирические шедевры, которые насыщены изысканными литературными формулами, полупредикативными книжными конструкциями, стилистически возвышенной лексикой:

*Взгляни на ключ, что из камней гробницы
Бежит по степи чистою слезой,
В нем солнце блещет днем, и бирюзой
Сияет ночью месяц яснолицый.*

(«Народная песня», перевод А. Ахматовой)

Однако ее переводы напрочь лишены той основы, на которой строится источник. Метафорика И. Франко опирается на русинскую и – шире – украинскую картину мира, которая формируется на ментальном уровне.

Так, в поэтических источниках в метафоре *жизнь – борьба* в качестве объекта выступают *паны*. Образ *панства*, столь важный для носителя украинской национальной картины мира, – сквозной образ

его произведений. В ахматовских переводах образ врага, против которого и направлен народный гнев, размыт – это *господин, хозяин* или *царь*. Для И. Франко именно *паны* – угнетатели в их крайне нелицеприятном выражении: 1) лживые и бесплодные, 2) народные угнетатели (противопоставлены царям), 3) ощущающие себя не только властителями мира, но и целью всего существующего:

*Сонети – се пани. В них мисль від роду
Приглушено для форм; вони вигоду,
Пожиток кинуть, щоб ловити моду:
Се гарний цвіт, що не приносить плоду.*

(«Сонети – се раби. У форми пута...»)

*Замість валити панський гніт і царський,
Ти скрився в поетичні закамарки!*

(«Чого ти, хлопе...»)

*То мала б доста для потреби свої!
Смішний сей світ! Неробів горсть мала
Себе вважає світом, паном всьої
Землі і ціллю всього, що на світі!*

(«Смішний сей світ! Смішніший ще поет...»)

Кстати, именно пан-угнетатель – отрицательный персонаж украинских и русинских паремий: *Робітники працюють, а пани з їх праці живуть та танцюють; З панами не міряйся чубами, бо як довгий, то підстрижуть, як короткий – витягнуть; Пан добрий, як отець: взяв корову і овець, а пані – як мати: наказала й теля взяти; Цар любить карати, чиновники – хабар брати, пани – шкуру драти; Чорт душу вийме, а пан шкуру зніме; Пани будуть у котлі кипіть, а бідний дрова носить.*

Другие «национальные элементы» базовой метафоры также утрачиваются. *Панам* противопоставляются *хлопы*, которые в переводе представлены лексемой *атлеты*, ни этимологически, ни семантически не коррелирующей с источником. В результате ее использование переводит весь текст в другую ментальную плоскость: *атлеты* – это отнюдь не борцы «на пространстве русинства»:

*«Простуйся! В ряд!» Хлоп в хлопа, плечі в плечі
Гнеть стануть, свідомі одної мети,
Живі, грізні, огромиї сонети...*

(«Сонети – се раби. У форми пута...»)

*Постройся! Сдвой ряды! Гляди в затылок!
И вот стоят могучие атлеты –
Живые, злые, грозные сонеты.*

(перевод А. Ахматовой)

По отношению к поэзии И. Франко проблема перевода осложняется тем, что, как уже отмечалось нами, в архитектуру его поэтической речи гармонически вплетается мощный русинский колорит. Именно характерные для поэзии Франко русинские языковые средства, так же, как и специфическое ударение, которое организует просодику его поэтического слога, обеспечивает ее неповторимую интонационно-мелодическую полифонию, коренным образом отличающую его поэзию от творчества других украинских классиков.

Многочисленные знаки русинского мира преимущественно остались за рамками переводов А. Ахматовой: практически отсутствует просторечная лексика, характерная для сонетов И. Франко: *упхнута, сварки, закамарки, бухне, вертівся, дармоїдів, запхати, гарка*; утрачены некоторые символические восточнославянские знаки (*криниця*); не сохраняются диминутивные формы – *личко місяця*. Русинский язык вплетается в поэтическую украинскую речь И. Франко очень органично, реализуясь на всех языковых уровнях. В процессе перевода невозможно компенсировать не только собственно русинскую лексику (*екстрем* – экстремум, крайность; *гнеть* – сейчас, скоро, сразу, немедленно, тотчас; *колот* – кутерьма, суматоха, неприятности, невзгоды), но грамматические формы – местоимение *ся*, которое используется после местоимения или глагола (*Раби й пани! Екстремі ся стрічають. О бозі, духах мож ся сумнівати І небо й пекло казкою вважати*), специфические формы глаголов на -*єсь* (*І промінь сонця миєсь в її срібній хвили, Так пісня та з джерел таємних ллєсь сльозою, Приїдєсь нову зробити перекову*).

Все тексты И. Франко А. Ахматова переводит в более высокий поэтический регистр. Так, народно-поэтический образ *Се гарний цвіт, що не приносить плоду* представлен как *Их пышный цвет бесплоден год от года*.

Несоблюдение семантических и символических соответствий переводимых лексем влекут за собой утрату базового метафорического образа. Так, доминантная в сонете «Народна пісня» лексема *криниця* переводится как *родник* или *ключ*. В тексте И. Франко *криниця-пісня* – живое существо, душа народа, что вполне соответствует комментарию к толкованию слова в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где указано, что слово *криница* в верованиях малорусского народа означает источник ключевой воды, где обитают богини плодородия и обилия. Этот метафорический образ разворачивается в соответствующих атрибутах: вены – жилы (*На дні її щось б'ється, мов таємні жили...*), сердце – речь (*співа до серця серцем, мовою живою*), живая вода (*Криниця та з живою, чистою водою – То творчий дух народу*), слезы (*Так пісня та з джерел таємних ллєсь сльозою*). В

переводе А. Ахматовой эти соматизмы утрачены, и народная песня – в рамках общекультурной метафорики – сравнивается с бегущей, оплодотворяющей водой. Выбор образа воды связан в данном случае со стереотипизацией удачной когнитивной находки.

Однако Великий Каменьяр влияет на сознание читателя, не только воссоздавая действительность как определенную данность, но и со свойственной ему глубиной мысли и блестящей эрудицией, рифмованной суггестией воздействует на эмоции, подсознание. Этому в процессах синестезии, устанавливающей синтез и взаимодействие различных видов восприятия, подчиняются не только символическое и метафорическое мышление, но и логически неуловимые, оксюморонные сочетания, лишь намекающие образные, ритмические, звуковые ассоциации.

*Та слави людської зовсім ми не бажали,
Бо не герої ми і не богатирі.
Ні, ми **невольники**, хоч **добровільно** взяли
На себе **пута**. Ми **рабами волі** стали:
На шляху поступу ми лиш каменярі*

(«Каменярі»).

Препозиционное соположение логически несочетаемых слов *невольники, добровільно, пута* – смысловая синестезия, порождающая в тексте оксюморон *раби волі*. Поэтическая синестезия, возникающая в результате употребления слов, значения которых связаны с разными категориями состояния личности (типа **добровільні невольники, добровільні пута, раби волі**), вводит читателя в неповторимый русинский мир. Такая ретрансляция этнической картины мира не только выявляет характер *авторского* миропонимания, но и трансформирует русинские демократические идеи в *поэзию*. Таким образом, анализируя в тексте структуру авторской модели мира, мы не только «сканируем» контуры авторского сознания, но и, в соответствии с художественной «логикой» построения поэтического текста, постигаем этнокультурное видение действительности, поэтическую картину мира русина.

В поэзии И. Франко представлен особый метафорический образ русинского мира, обусловленный, с одной стороны, свойствами поэтической дискурсивной среды, а с другой – индивидуальной концептосферой автора. Необходимо согласиться, что, к сожалению, величие И. Франко как поэта национального, народного сложно осознать через перевод. Так, метафоры А. Ахматовой, даже сходные внешне, представляют другую реальность – книжную, классическую. При всем желании и ее незаурядном таланте в силу объективных причин всю

полифонию русинского мироощущения языковыми средствами русского языка воспроизвести просто невозможно. За ее поэтическим словом стоит не менее притягательная, но все же иная этноязыковая картина мира. Кажется, что «объяснить» все своеобразие поэзии И. Франко можно только с помощью лингвокультурного комментария, который может содержать информацию о том, что лингвистическое многообразие Галиции не могло не наложить отпечаток на язык поэзии И. Франко. Как и все население Галиции, И. Франко не только говорил, но и свободно писал на трех языках: украинском, польском и немецком. Вместе с тем И. Франко считается безусловным лидером формирования современной украинской идентичности и украинского литературного языка, связанного с превращением русинов из преимущественно безграмотного, аграрного и самодостаточного крестьянского сообщества в образованный, мобильный и интегрированный этнос. И. Франко поднялся до статуса украинского национального поэта не вопреки, а благодаря межэтническим и межкультурным факторам. Важнейшим из них следует считать русинско-украинское языковое взаимовлияние, что, с одной стороны, позволяет считать Франко великим украинским поэтом, с другой – обязывает читателя знать о его русинских корнях и понимать его роль в этой выдающейся, но малоизвестной культуре.

Поэтический дискурс И. Франко представляет собой субстанцию, не имеющую логически четкого контура и объема, поскольку пребывает в постоянном поиске совершенной и изящной модели метафорического выражения, переживаемой в художественных образах картины русинского мира. Поэтический дискурс, разумеется, не является самым анализируемым текстом, созданным самобытной языковой личностью поэта, но он находится в тексте имплицитно как его некий мыслекод, проецирующий пути преобразования языка метафорической мысли в живое этнически окрашенное поэтическое слово. Поэтому исследование поэтического дискурса поэта позволяет рассматривать ассоциативно-образное пространство его поэзии как высшую форму креативности элитной языковой личности русина. Неповторимая магия языковой личности И. Франко объясняется воплощением в ней этоса (нрава, характера, душевного склада народа), логоса (универсальной осмысленности, ритма и соразмерности русинского бытия, напоминающей первостихию «огня поэтического мышления») и пафоса (страстной увлеченности идеей поэтизации русинского мировосприятия) в рамках художественно-речевой реализации доминантной дискурсивной стратегии столь неординарной языковой личности поэта.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко 2009 - *Алефиренко Н.С.* «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта-Наука, 2009.
- Гозенпуд 1990 - *Гозенпуд А.* Неувядшие листья // Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат, 1990. С. 311–327.
- Грыцак 2009 - *Грыцак Я.* Национализируя многоэтническое пространство: Истории Ивана Франко и Галиции // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 23–50.
- Калениченко 1994 - *Калениченко Н.Л.* Украинская литература (на рубеже XIX и XX веков) // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 123–133.
- Лотман 1964 - *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1964. Вып. 1: Введение, теория стиха.
- Мамардашвили 2000 - *Мамардашвили М.* Эстетика мышления. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000.
- Мусорин 2007 - *Мусорин А.Ю.* Из наблюдений над лексикой русинского языка // Актуальные проблемы словообразования и лексикологии. Новосибирск, 2007. Вып. X. С. 332–336.
- Погребной 2017 - *Погребной А.Г.* Языковые концепции Ивана Франко и украинская современность. URL: http://www.vashchenko.lviv.ua/textes/va_franko2.html (дата обращения: 20.02.2017).
- Потебня 1976 - *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Резанова 2003 - *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1.
- Седов 1999 - *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999.
- Старобинский 2002 - *Старобинский Ж.* К понятию воображения: веки истории // Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 69–84.
- Франко 1986 - *Франко І.Я.* Вибрані твори. Львів: Каменярь, 1986.

REFERENCES

- Alefirenko, N.S. (2009) “*Zhivoe slovo*”: *problemy funktsional'noy leksikologii* [The Living Word: Problems of Functional Lexicology]. Moscow: Flinta-Nauka.
- Gozenpud, A. (1990) *Neuvyadshie list'ya* [Unfading leaves]. In: Kralin, M.M. (ed.) *Ob Anne Akhmatovoy. Stikhi, esse, vospominaniya, pis'ma* [About Anna Akhmatova. Poems, essays, reminiscences, letters]. Leningrad: Lenizdat. pp. 311–327.
- Grytsak, Ya. (2009) *Natsionaliziruya mnogoetnichnoe prostranstvo: Istoriia Ivana Franko i Galitsii* [Nationalizing a multi-ethnic space: The stories of Ivan Franko and Galicia]. *Ab Imperio*. 1. pp. 23–50.

Kalenichenko, N.L. (1994) *Ukrainskaya literatura (na rubezhe XIX i XX vekov)* [Ukrainian literature (at the turn of the 20th century)]. In: Vipper, Yu.B. et al. (eds) *Istoriya vsemirnoy literatury: V 9 t.* [The History of World Literature: In 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 123–133.

Lotman, Yu.M. (1964) *Lektsii po struktural'noy poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Issue 1. Tartu: Tartu State University.

Mamardashvili, M. (2000) *Estetika myshleniya* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Moscow School of Political Studies.

Musorin, A.Yu. (2007) *Iz nablyudeniy nad leksikoy rusinskogo yazyka* [From observations on the vocabulary of the Rusin language]. In: Panin, L.G. (ed.) *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Topical Problems of Word Formation and Lexicology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 332–336.

Pogrebnoy, A.G. (n.d.) *Yazykovye kontseptsii Ivana Franko i ukrainskaya sovremnost'* [Ivan Franko's language concepts and Ukrainian modernity]. [Online] Available from: http://www.vashchenko.lviv.ua/textes/va_franko2.html (Accessed: 20th February 2017).

Potebnya, A.A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Iskusstvo.

Rezanova, Z.I. (2003) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical Fragment of Russian Language Picture of the World: The key concepts]. Voronezh: Voronezh State University.

Sedov, K.F. (1999) *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti* [Formation of the Language Personality Discourse Thinking]. Saratov: Saratov State University.

Starobinski, J. (2002) *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury: V 2 t.* [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture: In 2 vols]. Vol. 1. Translated by I. Staf, G. Shumilova. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 69–84.

Franko, I.Ya. (1986) *Vibrani tvori* [Selected Works]. Lviv: Kamenyar.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Alefirenko Nikolai - Belgorod State University (Russia).

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Chumak-Zhun Irina - Belgorod State University (Russia).

E-mail: chumak@bsu.edu.ru